

О. В. Шкуран

САКРАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА В ПАРЕМИИ *НЕ В ДЕНЬГАХ [ТОЛЬКО] СЧАСТЬЕ*

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
г. Луганск

Аннотация. Паремия *Не в деньгах [только] счастье*, зафиксированная в словаре «Русская мысль и речь» М. И. Михельсона (1912), содержит сакральные компоненты *деньги* и *счастье*, историко-этимологический анализ которых показывает истинную и ложную константу с традиционно культурологической функцией. Важной чертой устойчивого выражения являются «слабые мысли», которые прочитываются в результате глубокого осмысления внутренней формы лингво-маркера *деньги*, прошедшего долгий путь семантической трансформации со времен Средневековья до наших дней. Декодирование паремии иллюстрирует базовые ментальные установки этноязыкового сознания, способствует культурации личности в ходе овладения родным языком.

Ключевые слова: сакральное, языковая сакрализация, истинный и ложный сакрализатор, паремия, лексема, лингвомаркер, константа.

О. V. Shkuran

SACRED-PRAGMATIC CONSTANT OF PAREMIA *NE V DEN'GAKH [TOL'KO] SCHAST'YE*

Luhansk Taras Shevchenko National University, Luhansk

Abstract. The paremia *Ne v den'gakh [tolko] schast'ye*, recorded in the dictionary «Russian Thought and Speech» by M. I. Michelson (1912), contains the sacred components *den'gi* and *schast'ye*, the historical and etymological analysis of which shows the true and false constant with the traditional cultural function. An important feature of idiom is «weak thoughts», which are interpreted due to a deep understanding of the internal form of the lingvomarker *den'gi*, which has passed a long way of semantic transformation from the Middle Ages to the present day. Decoding of paremia illustrates the basic mental attitudes of ethno-linguistic consciousness, contributes to the comprehension of culture by the individual in the course of mastering the native language.

Keywords: *sacral, linguistic sacralization, true and false sacralizer, paremia, lexeme, lingvomarker, constant.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность национально-культурной специфики паремий связана с общей тенденцией развития различных наук, ставящих культуру в центре лингвоантропологических исследований. Этническому самосознанию и этнической идентичности, национальному характеру и влиянию культуры на познавательные процессы, на вербальное и невербальное общение посвящены специальные научные труды (С. Т. Воркачев, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. В. Колесов, С. А. Кошарная, И. В. Кузнецова, О. В. Ломакина, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко, С. Е. Никитина, В. Н. Телия и пр.), определяющие направления лингвокультурологии – этносемантику, этногерменевтику, сопоставительную фразеологию, фразеографию, паремиологию и др. Определение языковых и культурных факторов, которые доминируют при формировании народной ментальности [1], не может быть достоверным без привлечения паремиологического фонда. Изучение паремий, по словам О. В. Ломакиной, может проводиться в разных

направлениях: собирание пословиц и их описание (В. И. Даль, И. М. Снегирев), изучение паремий в лингвокультурологическом, грамматическом ключе (Ф. И. Буслаев, И. М. Снегирев, П. В. Глаголевский, И. П. Деркачев), исследование когнитивно-прагматических регистров паремиологии (Н. Ф. Алефиренко, Т. Е. Владимирова, М. Л. Ковшова, В. М. Мокиенко, Л. Б. Савенкова, Н. Н. Семенов) и т. д. [8, с. 20].

Материал и методика исследований. Предметом нашего исследования является паремия *Не в деньгах [только] счастье* с сакральной семантикой. Цели статьи – выявить в данной языковой единице специфические компоненты с сакральной семантикой *деньги*; проанализировать внутреннюю форму паремии, иллюстрирующую глубокую социо-историко-культурную интенцию с дихотомической прагматической константой. Считаем в данном исследовании целесообразным обратить внимание на особую роль в реализации познавательной функции паремии культурного лингвомаркера (в данном случае название артефактов, присущих материальной и духовной культуре) *деньги*, отражающего национальное своеобразие, «культурную память» и, возможно, прямые аналоги в других языках, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака в славянском континууме.

Для этого мы используем историко-этимологический, описательно-аналитический методы, лингвокультурологический анализ языковых явлений.

Благодаря междисциплинарному подходу к изучению сакрального лексико-фразеологическое пространство современного языка иллюстрирует наличие языковых единиц с сакральной семантикой и побуждает к определению понятий *языковая сакральность*, *сакральная паремия*, *сакральный компонент*, *сакрализатор* и др.

Латинское слово «сакральное» происходит от индоевропейского корня *sak*, что позволяет нам понять, какой изначальный смысл вложен в индоевропейское видение мира – «соответствие космосу, фундаментальная структура вещей, существующая реальность». Понятие «святость», по словам В. Н. Топорова, гораздо древнее мировых религий, его аналоги встречаются в праславянском (*Svet*), балтийском (*Sventas*), иранском (*Sventa*) языках. Поэтому современный термин «сакральное» соединяет в себе русское «святое» с индоевропейской традицией интерпретации сакрального [16, с. 8–10], что дает возможность ощутить новую языковую реальность, соединяющую мысли и чувства многих поколений людей.

Под языковой сакральностью мы понимаем универсальную метакатегорию, определяющую ценностно-смысловое существование гуманитаристики в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в которой присутствуют вера и доверие к Богу и миру. Бинарная оппозиция «сакральное (святое, священное) – профанное (десакральное, обмирщенное)» позволяет сохранять определенный баланс между своими ценностями и ценностями чужой культуры. Для осмысления понятия языковой сакральности необходимо продолжить исследования и очертить практическую значимость четкой градации профанного и сакрального в современном русском языке. Ведь они (сакральное – профанное) организуют пространственно-временной континуум человеческой жизни, определяют духовный характер языковой личности. Современный социолог В. И. Гарраджа отмечает, что сакральное и профанное «не могут сближаться: от соприкосновения с профанным сакральное утрачивает свои особенные качества»; они «должны быть разделены, изолированы друг от друга, и в то же время – они оба необходимы для жизни: первое – как среда, в которой разворачивается жизнь, второе – как то, что ее творит, как сила, от которой человек зависит и все-таки может решиться уловить ее и употребить в своих интересах» [2, с. 103].

Сакральной паремией мы называем сложное структурированное высказывание морализаторского или дидактического характера с целостными и обобщенными представлениями о позитивном отношении народной культуры к традиционной конфессии [19, с. 92]. С целью стилистического разнообразия в статье термины *сакрализатор*, *сакральный компонент*, *сакральность*, *сакральное* используются в качестве синонимов.

Впервые устойчивое выражение *Не в деньгах [только] счастье* зафиксировано в сборнике М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (1912), где в словарной статье поговорка введена в контексте цитат: *Человек, у которого больше 80 тысяч годового дохода, говорит, что скверно у него идет – странно это несколько! – «Не в деньгах только счастье»* [9]. Семантика очевидна: наличие значительного финансового дохода не компенсирует душевного удовлетворения от заработанных денег.

Целесообразно проанализировать ценностно-смысловое наполнение данной языковой единицы с ее неустойчивой, вторичной репрезентацией, поскольку, во-первых, образно-речевые стереотипы русской лингвокультуры иллюстрируют ярко выраженную полифункциональность в сопряжении сакральных, прагматических констант, а во-вторых, вследствие экстралингвистических факторов происходит семантическая трансформация на уровне фразеологического значения. Такой лингвомаркер, как *деньги*, является порождением коллективного речетворчества и сложным знаком «с номинативно-когнитивной функцией по порождению и закреплению знаний особого рода в процессе реализации дискурсивных намерений» [12, с. 8].

Результаты исследований и их обсуждение. В современной европейской культуре компонент паремийной единицы *деньги* разнообразен, а этимология, по словам П. Я. Черных, в подробностях неясна: нем. *Geld* восходит к прагерманской лексеме **geld-a-* с семантикой ‘чеканенное средство для платежей’, франц. *argent* в первом значении употребляется как ‘серебро’, англ. *money* происходит от лат. *monēta*, к которой, возможно, возводится русская денежная единица *монета* [17, с. 241]. А вот латинская лексема произошла от второго имени богини Юноны Монеты. В ее римском храме чеканились деньги, и это слово могло стать обозначением самой чеканки, а ее результат – это монеты [15, с. 581].

В древнейшей истории индоевропейских народов деньги приравнивались к оценке домашних животных, поскольку они были главными источниками пищи. Поэтому в древнерусском языке первоначально меновым знаком служило слово *скоть*. Уже в XI–XII вв. появляется новый денежный знак *куна* или *кунья мордка* ‘белый, горностаевый, куньи, лисьи, собольи меха’. Отсюда сборщик подати назывался *куницей*. Во время сватовства девицу на выданье называли *куницей* и требовали выкуп дорогим мехом пушного зверя: «*Повар, повар батюшка, повариха матушка, встань на куньи лапки, на собольи пятки, – приговаривает дружка. – Отдай за кунцу красну девицу*». Когда парень или девушка поправлялись после болезни, вступали в юношеский возраст, этот процесс называли *выкунеть*; а вот *кунеть* означало ‘входить в зрелый возраст, стареть’ [3, т. 2, с. 561].

Чуть позже, с конца XII в., появляется денежная единица, приравниваемая к римскому денарию – *пеняз* ‘мелкая монета’, а кошелек с мелкими деньгами шуточно называли *пенязником*. Далее вводятся в оборот *гривна кун* и ее части *ногата* ‘четыре на куну’, *векша* ‘белый мех’. По словам В. О. Ключевского, «лексема *деньги* появляется последней, не ранее первой половины XIII в., она тюркского происхождения и указывает на время, когда денежный оборот на Руси стоял в сильной зависимости от татар, собиравших дань с русского населения. Рус. *деньга, деньги* родственно казанско-татар. *tänkä* ‘золотая или серебряная монета’» [4]; с другой стороны, «термин известен в нов.-перс., ст.-перс. и мог быть занесен путешественниками или торговыми людьми как в русский язык, так и наоборот» [17, с. 241]. И. И. Срезневский иллюстрирует употребление лексемы *деньга* в 1362–1382 гг. в Договорной грамоте [14]. В «Повести временных лет» появляется слово *рубль*, но в значении ‘отрубок, кляп’, позже данная лексема называет денежную единицу: *а мукъ колко надобъ и ты испеки в мѣру а мясо на сѣньникъ а цто рубль датъ игнату и ты даи* (Берестяная грамота, 1380–1400); *[то] и у мосту а проса здѣ соли по семи лубовъ за рубль* (Берестяная грамота, 1410–1420) и др.

Мифолого-языческое наследие традиций древних русских и многих славянских

народов было сакрализовано и пронизано уверенностью в особой плодоносящей жизненной силе многих артефактов материальной культуры – и деньги не были исключением, например: *Живется, у кого денежка ведется; С деньгами мил, без денег постыл; Денег наживешь – без нужды проживешь; Не кланяюсь богачу – свои денежки плачу; Денежки – что голуби: где обживутся, там и поведутся* и т. д.

Изучение культурологической эквивалентности лингвомаркера *деньги* дает богатый материал для определения значимости стержневого компонента в паремийной единице, чуть позже отражающего особенности мифологического и православного мировидения родственных народов – желанья благодатного духовного состояния. Поэтому было принято поздравлять мать с новорожденным тостами-благожеланиями и при этом одаривать ее деньгами и другими подарками, к примеру, в селах Закарпатья повитуха угощала по очереди всех гостей, а они, выпивая водку, клали на тарелку деньги и желали родителям: *Дай, Боже, здоровья, чтобы сына вырастили, свадьбы дождались* [13, с. 56]. У восточных и западных славян новорожденному в пеленку и в купель, в которой совершали обряд крещения, клали золотые, серебряные или медные монеты, что свидетельствует о признании высшей воли и не исключает материального роста. В Полесье в качестве вознаграждения повитуха «продавала кашу» за часть содержимого в горшке, куда гости выкладывали деньги: кто больше одаривал повитуху деньгами, тот и получал право разбить горшок на счастье [13, с. 57].

В свадебном обряде деньги переходили со стороны жениха на сторону невесты и назывались выкупом: болгарские сваты вносили в дом невесты букет с прикрепленными к нему монетами, а у более зажиточных – монистом; у белорусов во время сватовства жених клал на дно рюмки монеты, невеста при согласии должна была выпить содержимое, забирая монеты, и вывести коней сватов со двора за дополнительную плату. В русском свадебном обряде в знак процветания и пожелания богатства одаривание молодых деньгами сопровождалось и по-прежнему сопровождается продажей каравая с такими словами: *Вот тебе серебро, чтобы иметь добро; вот тебе медь, чтобы детей иметь*; вкладыванием денег в свадебную одежду, головной убор, косу, обувь, сундук с приданым невесты. Даже во время венчания клали деньги на подножник и осыпали молодых перед первой брачной ночью зерном, хмелем, изюмом и мелкими монетами [13, с. 57].

До наших дней дошла традиция выкладывания перед ребенком в день празднования первой годовщины различных предметов (книг, бутылок, молотка, денег и др.) для определения его будущей профессии или рода занятий. Выбранные именинником деньги свидетельствуют о грядущем богатстве. Такой ритуал совершается и в девичий вечер накануне свадьбы: если девушка с завязанными глазами выбирает деньги, значит, ее в замужестве ожидает богатая жизнь.

Дохристианская традиция сакрализации артефакта *деньги* органично сочетается с православным праздником Рождества, и связано это с выпечкой хлеба, каравая, пирога, печенья и пр. У сербов считалось, что найти монету при преломлении рождественского пирога – признак здоровья на целый год; в горных регионах Сербии жители верили в то, что обладатель монет из пирога будет хозяином дома; болгары обращали внимание и на состояние полученной монеты: если к ней прилипало тесто, то это предвещало богатый урожай, а без него – голодный год. У словаков найденная в рождественском хлебе монета символизировала плодovitость и высокий урожай [13, с. 57–59].

С христианской точки зрения, артефакт *деньги* имеет другое символическое значение и отождествляется с маммоной, вступая в противоречие с Богом. Как отмечает И. В. Кузнецова, «христианская мифология связана с религиозной доктриной христианства и развивается во взаимодействии с ней, хотя часто отношения между ними противоречивы» [6, с. 235]. Основанием для негативной коннотации *денег* являются, несомненно, слова Иисуса, которые предупреждают о невозможности служения Богу и маммоне – язы-

ческому божеству, символизирующему несправедливое богатство, олицетворяющему злого духа: *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне* [11, с. 20, с. 259]. «Иисус Христос отрицает одновременное поклонение силам Добра и зла, Богу и злему духу, Свету и тьме, праведности и греху. Поклоняясь маммоне, человек вместо соблюдения заповедей Божиих и собирания небесных сокровищ собирал богатства земные и добывался земных сокровищ несправедливыми путями» [18].

В последнем, вершинном произведении Л. М. Леонова «Пирамида: роман-наваждение в трех частях» (1994) в разделе «Национальная ментальность в формировании стратегии трудовой мотивации» им определены две модели денежной мотивации работников – русско-японская (люди зарабатывают стереотипно – «действуй, как все») и русско-американская (основана на эгоистических стремлениях и важности личностного «Я»). «Эффективная экономическая политика, – пишет автор, – должна базироваться на традициях российской „общинной“ семьи. Такой способ в конечном счете обуславливает и экономическое поведение людей» [7, с. 184]. Современная постсоветская действительность имеет много общего с русско-американской моделью. Подтверждением этого являются различные фразеологические трансформации, которые «обладают иронией на языковом уровне», переключая иногда в неожиданные регистры [5, с. 213, с. 215], демонстрируют моновекторность лингвомаркера – от личного жизненного кредо до идеологической константы ‘без денег жить невозможно’, например: *Не в деньгах счастье, а в их количестве; Не в деньгах счастье. Так говорят только идиоты; Не в деньгах счастье, все лучшее в жизни человек получает бесплатно; Не в деньгах счастье, но бесплатно только птички поют; Не в деньгах счастье: все же лучше, когда они есть, чем когда их нет; Не в деньгах счастье? Как бы не так!; А вывод простой: не стоит втолковывать детям утешительный «совковый» афоризм «Не в деньгах счастье» – они все равно не поверят нам и т. п.* [10]. Автор последней цитаты Л. Алимamedова в своей статье «Детки и «бабки»» (Труд-7, 19.10.2000) немного ошиблась во временных рамках – паремия зафиксирована практически на столетие раньше, хотя целесообразно данную языковую единицу назвать не совковой, а иллюстрирующей русско-японскую модель денежной мотивации работников. Пользователи интернета в одном из социологических опросов свободно выразили понимание паремии *Не в деньгах счастье* и разделились на две категории: первая (36,18 %) подтвердила наличие счастья не в деньгах, а вторая (48,99 %) категория указала ключевую сумму для счастья, которая приравнивалась к миллиону.

Кроме этого, активно используется паремия с семантикой ‘понимание счастья скрыто не в деньгах’, например: *Его ранняя смерть – это, в общем, старая песня о главном, что не в деньгах счастье* (М. Озеров, спец. корр. Лондон. Борис Березовский повесился или ему помогли? // Комсомольская правда, 26.03.2013); *Поговорка «не в деньгах счастье» получила достаточно убедительное научное подтверждение* (Г. Ильичев. Не в деньгах счастье, а в семье // Труд-7, 29.05.2008) [10].

Резюме. Таким образом, получив еще с древних времен символическое значение, лингвомаркер *деньги*, относящийся к вещному миру, становится знаком вторичной номинации, обнаруживая двуплановость, – это одновременно сакральный символ в народномифологическом сознании и ложный сакрализатор (десакральный символ), иллюстрирующий стремление человека к богатству в виде обладания большим количеством денег. Данное заключение позволяет отсеять «национализированные» интерпретации данного лингвомаркера. Представление данного компонента в хронологическом порядке позволило показать время бытования данной прагматической константы и увидеть внутреннюю форму, повлиявшую на семантику рассматриваемой паремии, проиллюстрировать ложность сакрального компонента *деньги*.

Важной чертой устойчивого выражения являются «слабые мысли» – наличие семантической трансформации на уровне фразеологического значения вследствие экстралингвистических факторов, которые прочитываются в результате глубокого осмысления внутренней формы лингвомаркера *деньги*. Декодирование паремии иллюстрирует базовые ментальные установки этноязыкового сознания, способствует культурации личности в ходе овладения родным языком.

Два этнолингвомаркера *счастье* и *деньги*, сочетаясь в одной паремии, выступают истинным и ложным сакральными компонентами, что подтверждает двойственность понятий. Несмотря на то что религия в повседневной жизни многих людей, без сомнения и к сожалению, утратила первостепенное значение, в культуре и языке наблюдается ее мощное возрождение. Благодаря этому закладывается прочная основа для новой научной субпарадигмы, в которой сакральность языка будет иметь первостепенное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Введение. Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке. – М. : Индрик, 1997. – 351 с.
2. Гараджа В. И. Социология религии. – М. : Инфра-М, 2005. – 348 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг., осуществленного под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1–4. – М. : Прогресс ; Универс, 1994.
4. Ключевский В. О. Терминология русской истории : сочинения в 9 т. – М. : Мысль, 1989.
5. Кузнецова И. В. Библиейская фразеология и языковая игра // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 212–219.
6. Кузнецова И. В. Иисус Христос в устойчивых сравнениях славян // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 232–240.
7. Леонов Л. М. Пирамида : роман-наваждение в трех частях. – М. : Наш современник, 1994. – 192 с.
8. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Изд-во РУДН, 2018. – 344 с.
9. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний. – СПб. : Брокгауз-Ефронь, 1912. – 103 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/>.
11. Святое Евангелие. – М. : Сибирская Благовонница, 2009. – 383 с.
12. Семенов Н. Н. Русская пословица: функции, семантика, системность : монография. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. – 172 с.
13. Славянские древности : этнологический словарь : в 5 т. Т. 2 : Д – Крошки / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – 697 с.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук : в 3 т. Т. 1. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1912. – 272 с.
15. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
16. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. Т. 1 : Первый век христианства на Руси. – М. : «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.
17. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. – М. : Русский язык, 1999. – 624 с.
18. Что такое Маммона? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://touch.otvet.mail.ru/question/57634425>.
19. Шкуран О. В. Языковые сакральные единицы: лингвокультурологический аспект (на примере паремии *Горе – не беда*) // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов IV Международной научной конференции. – Макеевка, 2018. – С. 90–97.

Статья поступила в редакцию 18.06.2019

REFERENCES

1. *Arutyunova N. D.* Vvedenie. Logicheskij analiz yazyka: obraz cheloveka v kul'ture i yazyke. – M. : Indrik, 1997. – 351 s.
2. *Garadzha V. I.* Sociologiya religii. – M. : Infra-M, 2005. – 348 s.
3. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1903–1909 gg., osushchestvlenno pod red. prof. I. A. Boduena de Kurtene. T. 1–4. – M. : Progress ; Univers, 1994.
4. *Klyuchevskij V. O.* Terminologiya russkoj istorii : sochineniya v 9 t. – M. : Mysl', 1989.
5. *Kuznecova I. V.* Biblejskaya frazeologiya i yazykovaya igra // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2013. – № 2. – S. 212–219.
6. *Kuznecova I. V.* Iisus Hristos v ustojchivyh sravneniyah slavyan // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2015. – № 3. – S. 232–240.
7. *Leonov L. M.* Piramida : roman-navazhdenie v trekh chastyah. – M. : Nash sovremennik, 1994. – 192 s.
8. *Lomakina O. V.* Frazeologiya v tekste: funkcionirovanie i idiosil' / pod red. V. M. Mokienko. – M. : Izd-vo RUDN, 2018. – 344 s.
9. *Mihel'son M. I.* Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii : sbornik obraznyh slov i inoskazanij. – SPb. : Brokgauz"-Efron", 1912. – 103 s.
10. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://ruscorpora.ru/>.
11. *Svyatoe Evangelie*. – M. : Sibirskaya Blagozvonnica, 2009. – 383 s.
12. *Semenenko N. N.* Russkaya poslovica: funkcii, semantika, sistemnost' : monografiya. – Belgorod : Izd-vo BelGU, 2005. – 172 s.
13. *Slavyanskije drevnosti : etnologicheskij slovar'* : v 5 t. T. 2 : D – Kroshki / pod red. N. I. Tolstogo. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. – 697 s.
14. *Sreznevskij I. I.* Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym" pamyatnikam" : izdanie ot "leniya russkago yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk" : v 3 t. T. 1. – Sankt" Peterburg" : Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk", 1912. – 272 s.
15. *Stepanov Yu. S.* Konstanty : slovar' russkoj kul'tury. – M. : Yazyki russkoj kul'tury, 1997. – 824 s.
16. *Toporov V. N.* Svyatost' i svyatyje v russkoj duhovnoj kul'ture : v 2 t. T. 1 : Pervyj vek hristianstva na Rusi. – M. : «Gnozis» – Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1995. – 875 s.
17. *Chernyh P. Ya.* Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka : v 2 t. T. 1. – M. : Russkij yazyk, 1999. – 624 s.
18. *Chto takoe Mammona?* [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://touch.otvet.mail.ru/question/57634425>.
19. *Shkuran O. V.* Yazykovye sakral'nye edinicy: lingvokul'turologicheskij aspekt (na primere paremii Gore – ne beda) // Nauka i mir v yazykovom prostranstve : sbornik nauchnyh trudov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Makeevka, 2018. – S. 90–97.

The article was contributed on June 18, 2019

Сведения об авторе

Шкуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск; e-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Author information

Shkuran, Oksana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Ukrainian Philology and Publishing, Luhansk Taras Shevchenko National University, Luhansk; e-mail: oksana.shkuran@mail.ru